

Я понимаю, сообщая об этом постфактум, что это, вероятно, звучит так, будто я пошел на неоправданный риск, открывшись Белларекс. В конце концов, она была относительно непричастной стороной. Но за то короткое время, проведенное с ней во время первой перезагрузки, я распознал в Белле тот же вид замкнутого одиночества, который был мне слишком хорошо знаком. Постоянное давление со стороны отца, который не выражал одобрение и ожидал послушания любой ценой, изолированность от друзей и сверстников, интерес к неизвестному и неожиданному, потому что рутина ее жизни стала такой чертовски скучной.

Ну, она была в разы более впечатлительной, чем я, но сути это не меняло.

В конце концов, постучались стражники. Белларекс спрятала нас в одной из нескольких комнат для медитаций в храме Пустоты.

Я ожидал шквала вопросов, но Джорра был ошеломлен. Похоже, он не испытывал к Белле такой неприязни, как в первый раз — подозреваю, потому что она помогала нам, и первое впечатление не было похоже на яростное сражение, в котором мы пытались выбить друг из друга всё дерьмо.

Джорра попытался взять с нее клятву хранить тайну, прежде чем ответить что-либо, и вместо простого обещания Белларекс дала клятву, удивив меня. Она действительно была доверчивой, хотя трудно сказать, хорошо или плохо она разбирается в характерах.

Мы сидели, скрестив ноги, в комнате для медитаций. Белларекс задумчиво ела круглый плод, похожий на лазурную сливу.

— Меня шокирует то, — сказала она между укусами, — что вы вообще выбрались из поместья Дердре. Она славится «мягким» отношением к незванным гостям.

— Думаю, ты недооцениваешь гномью гравитацию. Худшее чувство, которое я когда-либо испытывал. Как будто армия копыеносцев-пикси набросилась на мой мозг.

— Зачем пикси иметь что-то общее с твоим мозгом? — спросила Белла. — Он является прибежищем драгоценных ресурсов?

— Возможно. — пробормотал Джорра.

Я прикрыл улыбку рукой.

— Беспокоюсь, что этот опыт может загубить желание пить для тебя, мой друг. Тяжелое похмелье не проходит бесследно.

Джорра недоверчиво уставился на меня. — Люди платят за то, чтобы почувствовать себя так?

— Думаю, интереснее то, что Кэрн достаточно хорошо знаком с похмельем, чтобы говорить о нем с уверенностью. — Белла рассмеялась. — Должно быть, в Уайтфолле они начинают пить в раннем возрасте.

Я кивнул. — О да. Устойчивость к алкоголю — критический аспект Силадонской политики. Неспособность держать себя в руках считается гораздо более весомым фактором, чем такие мелочи, как родословная и моральные устои.

Белла обдумала это. — В таком случае, полагаю, мой отец преуспел бы в политике в вашем королевстве.

Джорра замер. Хотелось рассмеяться, но у Беллы была такая бесстрастная манера говорить, что невозможно было понять, шутит ли она.

— Я... понимаю. — Я неловко поёрзал на месте.

Затем Белла рассмеялась, громко и весело, и когда она смеялась, невозможно было не смеяться вместе с ней.

Остаток дня мы провели тренируясь. Комнаты для медитаций в храме пустоты были очень похожи на камеры сдерживания Гемона, так как они затрудняли направление магии, хотя и в гораздо меньшей степени.

У Беллы было много талантов, но преподавание не входило в их число. Мне пришлось задать немало вопросов, чтобы получить прямые ответы на то, что я делаю неправильно, и что следует делать вместо этого. Когда я вызывал воздух в комнате для медитации, то мог гораздо яснее видеть маленькие нити потраченной впустую энергии, по мере того как они исчезали. Это значительно облегчило выявление проблемы, и к концу дня я смог призвать небольшое количество воздушной маны, хотя и недостаточное для создания чего-то существенного.

Джорра и Белла немного повздорили, когда она назвала «захудалой» часть анклава со стороны расселины. Это не было сделано с намеренным элитизмом, Белла была из тех бездушных представителей высшей прослойки, которые выросли в привилегированности и в окружении привилегированных, и привыкла считать, что все, с кем она общается, имеют такое же происхождение.

Мне удалось утихомирить их. Белла извинилась, хотя Джорра отказался. Настроение было испорчено, поэтому мы решили на сегодня закончить разговор, запланировав в скором времени встретиться ещё раз. Белла, казалось, серьезно настроилась составить расписание и предложила встретиться в ближайшие несколько дней, а затем собираться еженедельно. Это звучало замечательно, но дело в том, что это означало лишь две встречи до того, как демоны снова разрушат Анклав.

Белла позволила нам выбросить наши плащи и маски в мусорные контейнеры за храмом. Это

было обидно, особенно в условиях нехватки денег, но я очень скоро получу от Персефоны золотое вознаграждение. Значительное, если правильно разыграю свои карты.

Надеюсь, я не ошибся насчет Шири. Решение было принято в долю секунды. Что-то в его лице мне не понравилось, когда он говорил о Джинджере и гравитационном поле. Шир ждал, пока я задам вопрос об этом — он не был настолько глуп, чтобы затронуть эту тему напрямую, но как только я высказал едва наметившиеся опасения, он подался навстречу слишком рьяно. Как будто хотел, чтобы я ему поверил.

Именно поэтому я отдал Джинджеру сапфир, украденный из комнаты с драгоценными камнями, а не Ширу. Какую бы игру ни вел Шир, я ему не доверял, поэтому и преподнес его Эфире. Скорее всего, в этот момент она допрашивает его.

Этот образ заставил меня вздрогнуть.

Я очень надеялся, что не ошибся.

Неттари остановила нас у двери. Она отложила кучу папок, чтобы проверить лоб Джорры тыльной стороной ладони, приняла его бормотание о плохом самочувствии и отправила в постель. Я спрятал сапфир под ковром, где доски проваливались, обнажая выдолбленную часть фундамента.

Как всегда, закрывая глаза, я видел их тела, разбросанные по полу, и себя, стоящего над ними.

О чем они думали в свои последние минуты? Как они восприняли предательство?

Подумал об Агарине. И мой разум отбросил все эти мысли.

Этого больше не повторится. Я не допущу этого.

Я все еще не решил, как поступить, но это была первая перезагрузка. Нужно было свыкнуться с мыслью о возможности действовать наобум и посмотреть, что из этого выйдет. Если все пойдет плохо, Кильвиус и Неттари будут знать дату и время вторжения. Они смогут выбраться. Что-то в этом было эгоистичное и бескорыстное одновременно. Как будто следовало позаботиться и об остальных инферналах.

Не поймите меня неправильно. Я беспокоился о других. В целом они были гостеприимны, добры и удивительно открыты. Гораздо больше, чем город Уайтфолл, если бы роли поменялись местами.

Но семья Майи приняла меня и заботилась обо мне, несмотря на незавидное положение, в котором они оказались. В конце концов, они были приоритетнее, будь проклят Анклав.

Впервые за почти целую неделю я спал. Не было ни снов, ни помех. Только темнота, такая сладкая и всеобъемлющая, она поглотила все тревоги и страхи, даже если этот безмятежный покой был всего лишь иллюзией.

Я проснулся от того, что Неттари трясла меня. Ее волосы были нехарактерно растрепаны, а едва сдерживаемая паника на лице привела меня в состояние повышенной готовности, сердце бешено колотилось.

— Что случилось?

— Стража Эфиры снаружи. Она прислала карету. Сказала, что ты знаешь, в чем дело.

Облегчение, которое я почувствовал, было беспредельным. Никто не нападал, никто не умер. Всё ещё нужно было разобраться с вероятно разгневанным политиком и рассказать историю, которую я ещё не закончил.

— У нас есть несколько минут, не больше, — сказала Неттари. — Когда я сообщила им, что не уверена, вернулся ли ты прошлой ночью, они попытались пробить себе дорогу.

Я покачал головой. Даже если бы я хотел сбежать, у Эфиры, скорее всего, был кто-то, кто следил за домом и видел, как я вошел предыдущей ночью. Она не стала бы экономить на безопасности, не то что на чем-то подобном. Нужно разобраться с этим прямо сейчас. Промедление только усугубит ситуацию и может разрушить планы на оставшуюся часть перезагрузки.

Я не торопился. Эфира была из тех, кто осудит, если хоть один волос окажется не на месте — обычно меня это не волновало, но в данный конкретный момент было что-то нужно именно мне, и прийти на встречу растрепанным и неопрятным было бы в лучшем случае невыгодно, в худшем — катастрофично.

Я был бы менее обеспокоен, если бы она не запрягала карету, вместо того чтобы позволить мне прийти к ней. Это означает определенный посыл: Мы действуем на моих условиях.

Карета Эфиры была роскошной, но я не мог долго любоваться тонким шелком и простором. Ее охранники, одетые в нарядные зеленые табарды, набились внутрь и окружили меня. По двое с каждой стороны, трое расположились напротив.

Не знаю, считать ли это комплиментом, раз Эфира так высоко обо мне думала, или оскорблением, так как она с самого начала пыталась властвовать надо мной.

В памяти всплыл образ Джорры, облившего ее огромным шаром воды.

Возможно, мелочность была оправдана.

Карета скрипела и тряслась, поездка затянулась более чем на час. Я пытался заговорить со стражниками, но они просто тарачились в ответ, независимо от того, что я говорил. Я перебрал длинный список анекдотов, пытаясь заставить хотя бы одного из них улыбнуться. Когда шутка про осла и соты не сработала, хотя не знаю как, все, у кого была душа, засмеялись бы, я замолчал.

Напомнил себе, что причин для беспокойства нет. Эфира была бы душой, если бы убила меня — особенно, когда десятки людей видели, как карета приехала и уехала. Все это было лишь частью игры. Эфира была спокойной, сдержанной личностью, которая ненавидела проигрывать, а я нарушил этот привычный порядок вещей. Теперь была ее очередь показать, насколько она способна ответить добром на добро.

Наконец карета остановилась. Я вышел и оказался в незнакомой части поверхностных пещер. Одна половина была поразительно похожа на пещеру, в которой мы с Джоррой тренировались. Другая половина походила на что-то из сумеречных пещер: миниатюрный океан прозрачной голубой воды, ведущий на площадку площадью не более ста квадратных футов.

Эфира сидела за столом, покрытым скатертью насыщенного зеленого цвета. Сам стол был установлен прямо на краю обрыва. Если бы сидящий в кресле попытался встать не с той стороны стола, он бы с криком упал в пропасть внизу. Я чуть не закатил глаза.

Уже было всё понятно.

На скалистом берегу ждала небольшая гондола. Один из стражников, которого я мысленно называл тихим, переправил меня к столу, где ждала Эфира, сложив руки на коленях, немигающим взглядом смотря на меня, пока я приближался.

Осторожно ступая, я сошел с гондолы на пол и поклонился. — Приветствую вас, советник.

Без слов Эфира изящным жестом указала на кресло напротив себя.

Я сглотнул и опустился в кресло, безуспешно пытаясь не смотреть на пропасть и неизбежно терпел неудачу. Далеко внизу, в темноте, слышалось рычание и сражение. Далекие фигуры сталкивались и рвали друг друга. Ножки кресла были неровными, и он сдвинулся. У меня свело живот, и я в страхе схватилась за стол.

Эфира молча изучала меня. Яростной воительницы, которая еще вчера скрывалась под ее поведением, не было видно. Она была хладнокровна, спокойна и расчетлива. Я позволил молчанию затянуться. Это была ее встреча, ее прерогатива.

Наконец Эфира заговорила, сложив руки. — У меня есть несколько вопросов.